

Лютый мороз, снег валит хлопьями, и вот уже полдень двадцать восьмого числа.

Старинная усадьба семьи Ван в Чанпине укрылась тонким слоем снега, словно накинула на себя безупречно белую серебристую мантию. Особенно величественно и уютно выглядела высокая, крепкая стена из синего кирпича, теперь припорошенная мягкими снежинками.

Тишину нарушил звонкий хруст шагов. Это Ван Ханьлинь, толкая перед собой новенький велосипед, медленно входил во двор по поскрипывающей ледяной крошке. Велосипед он купил всего несколько дней назад на остатки денег, так что в карманах почти ничего не осталось.

Едва переступив порог, он увидел, как третий брат, Ван Сюэлинь, присел за стеной-экраном и сосредоточенно щелкает на счетах. Звук костяшек разносился по всему двору, переплетаясь с ароматом тушеной капусты с уксусом, доносившимся из восточного флигеля. Этот запах, смешиваясь с предновогодней суетой, создавал густую, теплую и по-настоящему домашнюю атмосферу.

— Четвертый брат вернулся! — раздался радостный возглас.

Младшая сестренка Ван Шуянь выскочила из западной пристройки, словно бойкий кролик. Две ее косички-баранки подпрыгивали при каждом шаге, а ярко-красный бархатный цветок в волосах полыхал, как огонек на ветру. В руках она бережно прижимала к себе маленькую жестяную коробочку, полную накопленных за полгода красивых оберток от конфет. Эти фантики были для нее сокровищем, особенно те разноцветные стекляшки, что Ханьлинь привез из парка Бэйхай: после тщательного разглаживания каждая бумажка превращалась в настоящее произведение искусства.

В главной комнате дедушка выбил трубку о край стола восьми бессмертных:

— Жена третьего, сделай радио потише!

Бабушка, зажигавшая благовония перед табличками предков, улыбнулась:

— Старик снова ворчит на радио, а сам вчера до глубокой ночи слушал Сказание о семье Ян.

В этот тихий вечер из кухни вдруг раздался такой оглушительный вопль, будто крышу сносило. Вторая невестка, не жалея связок, кричала:

— Старшая невестка! Да приструните же вы своего мужа!

Все любопытно высунулись наружу. Старший брат, Ван Телинь, как нашкодивший заяц, съезжился перед печью и робко подкладывал дрова. Его жена Ли Гуйлань, уперев руки в бока и сжимая в руке лопатку, с ледяной усмешкой отчитывала его:

— Ишь ты! Вчера такой герой был, а сейчас что, спрятался, как черепаха, и прикинулся перепелкой?

Тем временем второй брат, Ван Хайлинь, старательно складывал наколотые дрова в аккуратные поленницы. Обернувшись, он увидел, как его жена Лю Шуфэнь с остервенением рубит квашеную капусту. Она вкладывала в каждый удар столько сил, что разделочная доска ходила ходуном и, казалось, вот-вот расколется надвое.

— Жена, — не выдержал второй брат, — ты чего так капусту кромсаешь? Она тебе что, враг какой? Еще немного, и доске конец придет!

Время шло, сумерки опустились на крыши. Подул холодный ветер, закружил снег, и в ворота, пошатываясь, вошел муж третьей сестры, Чжан Цзяньцзюнь. Он нес бутылку Эрготоу, а полы его драпового пальто были усыпаны снегом, который при каждом шаге издавал шуршащий звук.

— Ого! Кто это у нас тут? Да это же наш Ханьлинь отличился! Слышал, тебя в городе образцовым работником признали? Ну, уважил всю семью Ван! — проговорил он, широко шагая к дому.

— Зять, ну перестаньте вы меня смущать, ничего особенного я не сделал. С наступающим вас, — ответил Ханьлинь.

— Эх, Ханьлинь, нет у меня для тебя красного конверта, иди к жене, у нее все деньги, у меня в карманах пусто, — заныл зять, с виноватым видом выворачивая пустые карманы.

— Не притворяйтесь, зять, все знают, что у вас деньги только на выпивку и уходят, — подшутил Ханьлинь.

Его третья сестра, Ван Шуфэн, схватила мужа за рукав и укоризненно прошептала:

— Ой, ну хватит тебе пить! В прошлый раз так набрался, что в магазине прилавок проломил, нам потом столько платить пришлось...

Когда на стол подали медный самовар, бульон весело закипел. Вторая сестра, Ван Шучжэнь, ткнула палочками в капусту:

— Жена третьего, ты мясо так мелко порезала, будто кошку кормишь?

Глаза Чжао Лицзюань тут же покраснели:

— Вторая сестра, вы не знаете, как сейчас талоны на мясо дорого стоят... — она не успела

договорить, как третий брат больно ущипнул ее под столом.

— Успокоились все! — дедушка стукнул трубкой по фарфоровому блюду.

Бабушка поспешила сгладить углы, раскладывая детям крахмальную лапшу:

— Ешьте, пока горячее, в кастрюле еще есть мороженный тофу.

В жаровне потрескивали угли. Младшая сестренка, прижавшись к Ханьлиню, пересчитывала фантики и вдруг прошептала:

— Четвертый брат, зять сегодня днем тайком носил вдову Лю из западного двора новогодние подарки.

Не успела она договорить, как из восточной комнаты донесся звон разбитой миски — это вторая сестра обнаружила, что ее порция рыбы короче, чем у третьей семьи.

Какая шумная семья. Ханьлинь лежал на теплой большой кан, слушая их мелкие дразги. Большая семья — это всегда ворох проблем, но пока дедушка рядом, все эти неурядицы превращаются в обычную бытовую суету.

Незаметно Ханьлинь уснул. Его тихое сопение сливалось в единый ритм с ночным покоем.

Перед самым боем курантов дедушка достал из камфорного сундука красный шелковый сверток. Двадцать восемь серебряных монет легли на стол в форме созвездия Ковша, а бабушкин серебряный браслет звякнул о медный поднос:

— Деньги на удачу!

В комнате воцарилась тишина, даже зять благоразумно убрал руку от бутылки.

Когда утренний свет пробился сквозь оконную решетку, Ханьлинь обнаружил на кухне вырезанную из красной бумаги лошадку — символ года. Младшая сестра специально вырезала хвост в форме заплатки на его ватнике. Снаружи доносилось шуршание метлы — это вторая невестка расчищала снег, а в такт ей поскрипывали счеты третьего брата. Этот звук был куда приятнее, чем любая музыка из города.

Когда дым из труб всех флигелей слился над родовым храмом в одну струю, бабушкин браслет снова зазвенел:

— Двадцать третье число, пора задабривать Бога очага!

Вяленое мясо, подвешенное под балками западного флигеля, тихо покачивалось, отражаясь в новых надписях на дверях, сулящих обильный урожай, а мороженые хурминки в руках Ханьлиня окрасились в цвет румян.

Ханьлинь думал о том, что дома все-таки лучше всего. Пусть у каждого свои секреты и интересы, но эта теплота по-настоящему дорога. Вот только скоро Новый год, а спать по ночам будет непросто: храп этих мужиков — настоящее испытание.

Шумно тут, ох как шумно!

<http://bllate.org/book/18479/1773177>